

БОЛЬШОЙ
РОМАН

К Н И Г И
Джулиана Барнса,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ШУМ
ВРЕМЕНИ

•
НЕЧЕГО
БОЯТЬСЯ

•
ПРЕДЧУВСТВИЕ
КОНЦА

•
ПУЛЬС

•
ИСТОРИЯ МИРА
В 10½ ГЛАВАХ

•
АРТУР И ДЖОРДЖ

•
ПОПУТАЙ ФЛОБЕРА

Джулиан
Барнс
ПОПУТАЙ
ФЛОБЕРА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 25

Julian Barnes
FLAUBERT'S PARROT
Copyright © 1984 by Julian Barnes
All rights reserved

Перевод с английского
Александры Борисенко, Виктора Сонькина

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Борисенко, В. Сонькин, перевод, 2017
© В. Сонькин, примечания, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка*

ISBN 978-5-389-11682-5

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленял нас и продолжает пленять.

The Independent

В своем поколении писателей Барнс, безусловно, самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати — это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка — ключевое свойство прозы буковроского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом — в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится

один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

*Майя Кучерская
(Psychologies)*

«Попугай Флобера» — восхитительный роман, насыщающий ум и душу... Это книга, которой нужно упиваться.

Джозеф Хеллер

Подлинная жемчужина — роман настолько литературный и в то же время беззастенчиво увлекательный. Bravo!

Джон Ирвинг

Бесконечный источник пищи для размышлений — и стилистический восторг. Шедевр в буквальном смысле слова.

Жермен Грир

Открываешь роман — и невозможно оторваться... Завораживающе, по-настоящему оригинально.

Филип Ларкин

При всей бездне заложенной в «Попугая Флобера» эрудиции, читая эту книгу, невозможно удержаться от смеха. Никогда не знаешь, что Барнс выкинет на следующей странице.

Daily Express

«Попугай Флобера» — захватывающая и в то же время очень веселая книга. Возможно, это самый остроумный антироман со времени «Бледного огня» Набокова. Барнса недаром сравнивают с такими писателями, как Джойс и Кальвино.

Boston Globe

Этот роман — почти нон-фикшн, а именно — очень затейливо аранжированная биография Флобера; кол-

лекция эссе об авторе «Бовари»: его чувстве стиля, женщинах, отношениях с железной дорогой, животными и т. д. Конечная цель исследований безупречна: рассказчик пытается выяснить подлинность чувства попугая, якобы стоявшего у Флобера на письменном столе в течение трех недель.

Оммаж Флоберу исполнен с технической точки зрения потрясающе артистично. Барнс не жонглирует цитатами, подгоняя их под эффектные теории: он медленно копошится в классических флоберовских метафорах, смакуя, обсасывает цитаты и очень сдержанно, неагрессивно, без ролан-бартовских разоблачений, разбирает некоторые флоберовские пассажи. Как Бувар и Пекюше, он переписывает факты и снабжает их своими замечаниями, вплетая попутно сюжеты и метафоры из самого Флобера.

*Лев Данилкин
(Афиша)*

Барнс выбирает всякие бытовые подробности из жизни Флобера, и располагает их так, что получается не только биографический роман о великом писателе, но и эстетический трактат, и картина провинциальной французской жизни как в его, так и в наше время, и собрание всяких забавных мелочей — то, что американцы называют «тривиа», и своего рода пародия — не на Флобера, а на литературу вообще — с одновременным апофеозом литературы, искусства как чего-то высшего жизни. И тут же — разоблачение литературы, деконструкция, и новое ее вознесение в этом ироническом принижении.

*Борис Парамонов
(Радио «Свобода»)*

Неудивительно, что для своего романа английский писатель выбрал именно фигуру Флобера, ведь сам Барнс разделяет его эстетические воззрения о взаимодействии произведения и автора. Как и Флобер,

Барнс настаивает на том, что произведение самоценно и должно восприниматься без оглядки на личность и жизненные перипетии творца.

Все должно одинаково приниматься во внимание и одинаково подвергаться сомнению — и версия ученого, и версия дилетанта. Мир не может быть исчерпывающе объяснен ни одной из версий, взятой отдельно, только их взаимосвязь отражает его наиболее полно. Не существует никаких авторитетов, которые должны восприниматься как носители безусловной истины. Такое отношение к «авторитетному высказыванию» лежит в основе ставшей уже знаменитой барнсовской иронии.

Иностранная литература

«Попугай Флобера» — роман, принесший автору первую славу и первую номинацию на Букера, — представлял собой постмодернистский опус, в котором через историю жизни страстного поклонника Гюстава Флобера детально рассматривалась природа фанатизма.

Итоги

Барнс одержим смертью; точнее, он потрясен тем, что она существует. Отсюда и сюжет лучшего его романа «Попугай Флобера»: протагонист путешествует по местам и временам жизни и творчества нормандского мученика стиля, пытаясь то ли заслонить, то ли объяснить себе совсем иной сюжет — смерть своей жены. Попугай (пародия на Святой Дух во флоберовском «Простом сердце») в барнсовском романе становится жутковатым символом назойливой памяти вдовца и болтливой призывности беллетриста. В сущности, все остальные книги Барнса будто написаны этим самым попугаем Флобера, чучело которого разыскивал герой одноименного романа. А сам Барнс, помешанный на авторе «Саламбо» и «Буvara и Пекюше», — чем он не попугай Флобера?

*Кирилл Кобрин
(Октябрь)*

Посвящается Пат

Биографию друга надо писать так, словно ты
за него мстишь.

Флобер. Из письма к Эрнесту Фейдо, 1872

1

ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА

Шестеро североафриканцев играют в шары под статуей Флобера. Звонкие удары перекрывают глухой ропот уличной пробки. Коричневая рука посылает вперед серебряную сферу — прощальным, ироничным, ласкающим движением пальцев. Шар приземляется, тяжело подскакивает, прочерчивает борозду в медленно оседающей твердой пыли. Бросающий остается стоять изящной временной статуей: колени не до конца выпрямлены, правая ладонь самозабвенно раскрыта. Закатанные рукава белой рубашки, голая до локтя рука, клякса на запястье. Не часы, как я вначале подумал, не татуировка, а цветная переводная картинка: лицо политика-пророка, которого так уважают в пустыне.

Давайте начнем со статуи: той, что наверху, не временной, не изящной, с бронзовыми дорожками слез, с небрежно повязанным галстуком, в жилете и мешковатых брюках, с отвисшими усами; глядящей холодно и недоверчиво. Взгляд писателя направлен на юг, от площади Кармелитов к собору, поверх презируемого им города, который был равнодушен к нему в ответ. Голова за-

Попугай Флобера

носчиво поднята — только голуби могут увидеть его лысину в полном объеме.

Это не та статуя, что была вначале. Немцы забрали первого Флобера в 1941 году, вместе с оградами и дверными молотками. Возможно, его переплавили на кокарды. Лет десять пьедестал стоял пустой. Потом мэр Руана, большой любитель памятников, обнаружил гипсовую форму — сделанную русским скульптором по имени Леопольд Бернштам, — и городской совет одобрил отливку новой статуи. Руан приобрел солидный металлический памятник — девяносто три процента меди, семь процентов олова: литейная фирма Рюдье из Шатийон-су-Банье заверяет, что такой сплав — гарантия против ржавчины. Два других города, Трувиль и Барантен, внесли в проект свою лепту и получили каменные статуи. Эти оказались менее прочными. В Трувиле Флоберу пришлось подлатать бедро, и кончики усов у него отвалились, так что из бетонных обломков над верхней губой, словно прутья, торчат куски проволочного каркаса.

Может быть, литейщики не врут, может быть, эта вторая статуя окажется долговечной. Но я не вижу особых оснований для такой уверенности. Ничто, имевшее отношение к Флоберу, не отличалось долговечностью. Он умер немногим более ста лет назад, и все, что осталось от него, — это бумага. Бумага, идеи, фразы, метафоры, чеканная проза, готовая зазвучать. Это, кстати, именно то, чего он сам бы и хотел; сентиментальные жалобы — удел его почитателей. Дом писателя

1. Попугай Флобера

в Круассе снесли вскоре после его смерти, и на его месте построили фабрику, где извлекают спирт из подпорченной пшеницы. Не так уж трудно избавиться и от его изображения: если один мэр, любитель статуй, смог поставить памятник, другой — к примеру, какой-нибудь партийный начетчик, который знает о Флобере только то, чего нахватался из Сартра, — может с тем же рвением его убрать.

Я начал с памятника, поскольку именно с него началось мое паломничество. Почему литература заставляет нас преследовать литератора? Почему мы не можем оставить его в покое? Разве книг недостаточно? Флобер хотел, чтобы было достаточно: мало кто из писателей так верил в объективную реальность текста и незначительность личности автора; и все-таки мы упрямо ищем эту личность. Образ, лицо, подпись; статуя из девяноста трех процентов меди и фотография Надара; лоскут одежды, прядь волос. Отчего нас так тянет к реликвиям? Разве мы недостаточно верим словам? Или приметы прожитой жизни содержат в себе какую-то дополнительную правду? Когда умер Роберт Льюис Стивенсон, его предприимчивая шотландская няня начала понемногу продавать волосы, которые она якобы срезала с головы писателя за сорок лет до того. Верящие, ищущие, идущие по следу купили столько этих волос, что их хватило бы для набивки дивана.

Я решил отложить Круассе на потом. Я приехал в Руан на пять дней, и детский инстинкт подсказывал оставить лучшее на десерт. Не этот

Попугай Флобера

ли импульс иногда руководит писателями? Подожди, подожди, лучшее еще впереди? Если так, то как же мучительно-дразнящи неоконченные книги. Две такие сразу приходят на ум: «Бувар и Пекюше», где Флобер хотел объять и покорить весь мир, со всеми человеческими стремлениями и неудачами; и «Идиот в семье», где Сартр хотел объять всего Флобера, объять и покорить главного писателя, главного буржуа, стихию, врага, пророка. Инсульт прервал первый из двух проектов, слепота положила конец второму.

Когда-то я сам хотел написать книгу. У меня были идеи, я даже делал заметки. Но я работал врачом, у меня были жена и дети. Хорошо можно делать только что-то одно: Флобер знал это. Я был хорошим врачом. Моя жена... умерла. Мои дети разлетелись; они пишут мне, когда их замучает совесть. У них своя жизнь, это естественно. «Жизнь! Жизнь! Главное — чтоб стояло!» — прочитал я на днях у Флобера. От этого восклицания я почувствовал себя каменной статуей с залатанным бедром.

Ненаписанные книги? Не стоит о них жалеть. На свете и так слишком много книг. Кроме того, я помню конец «Воспитания чувств». Фредерик и его друг Делорье оглядываются на прожитую жизнь. Их лучшее воспоминание — о том, как они еще школьниками пришли в бордель. Они тщательно планировали визит, специально завивали волосы и даже наворовали цветов для девочек. Но когда они пришли в бордель, Фредерик трусил, и оба убежали. Это был лучший день

1. Попугай Флобера

в их жизни. Флобер заставляет нас задаться вопросом: разве ожидание удовольствия — не самое надежное из удовольствий? К чему карабкаться на безрадостный чердак свершения?

Я провел первый день, бродя по Руану, пытаюсь узнать тот город, по которому прошел в 1944 году. Конечно, тогда многие районы были разрушены бомбами и снарядами, да и сейчас, через сорок лет, собор все еще ремонтируется. Не очень-то мне удалось раскрасить свои монохромные воспоминания. На следующий день я поехал на запад, в сторону Кана, а потом на север — к побережью. Следуешь советам обшарпанных оловянных указателей, которые установило *Ministère des Travaux Publics et des Transports*. Вот сюда — к *Circuit des Plages de Débarquement*: туристический маршрут по местам боевой славы. К востоку от Арроманша — пляжи, куда высадились британские и канадские войска: Голд, Джунно, Сорд. Не слишком звучные имена; гораздо менее запоминающиеся, чем Омаха или Юта. Если, конечно, считать, что события запоминаются благодаря словам, а не наоборот.

Грей-сюр-Мер, Курсель-сюр-Мер, Вер-сюр-Мер, Анель, Арроманш. По крошечным переулкам неожиданно доходишь до *Place des Royal Engineers* или *Place W. Churchill*. Ржавые танки несут караул у пляжных домиков; бетонные монументы, вроде корабельных труб, провозглашают по-английски и по-французски: «Здесь 6 июня 1944 года благодаря героизму союзников была освобождена Европа». Здесь тихое место, совсем

не зловещее. В Арроманше я бросил две однофранковые монетки в *Télescope Panoramique (Très Puissant 15/60 Longue Durée)*, чтобы проследить изгиб морзянки Малберри-Харбор далеко в море. Точка, тире, тире, тире — бетонные кессоны торчат из водной глади. Сейчас эти квадратные обломки войны захвачены бакланами.

Я пообедал в *Hôtel de la Marine* с видом на гавань. Здесь, совсем близко, погибли мои друзья — те годы принесли с собой неожиданные дружбы, — и все-таки я оставался равнодушен. Пятидесятая бронетанковая дивизия, Вторая британская армия. Из укрытия выползли воспоминания, но не эмоции; не было даже воспоминаний об эмоциях. После обеда я пошел в музей и посмотрел фильм о десанте, потом проехал девять километров до Байе, чтобы отдать дань другому десанту, пересекавшему Ла-Манш девятью веками ранее. Гобелен королевы Матильды как горизонтальное кино — кадры идут впритык друг к другу. Оба события кажутся одинаково неправдоподобными: одно слишком отдаленное, чтобы быть правдой, другое слишком знакомое, чтобы быть правдой. Как удержать прошлое? Возможно ли это вообще? Когда я был студентом-медиком, на танцах в конце семестра какие-то шутники запустили в зал поросенка, обмазанного жиром. Он проскальзывал между ногами, выворачивался из рук, истошно визжал. Люди падали, пытаясь поймать его, и выглядели при этом довольно глупо. Прошлое часто ведет себя, как этот поросенок.

1. Попугай Флобера

На третий день в Руане я отправился в Отель-Дьё — больницу, в которой отец Флобера был главным хирургом и где прошло детство писателя. Путь туда пролегает по авеню Гюстава Флобера, мимо типографии «Флобер» и закусочной «Ле Флобер» — заблудиться мудрено. У больницы припаркован большой белый хетчбэк «пежо», весь в синих звездах, с номером телефона и надписью *AMBULANCE FLAUBERT*. Писатель как целитель? Едва ли. Вспоминается, как Жорж Санд по-матерински упрекнула младшего коллегу. «Ты даришь опустошение, — писала она, — а я — утешение». Надо было написать на «пежо» *AMBULANCE GEORGE SAND*.

В Отель-Дьё меня встретил вертлявый худой *gardien* — неожиданно в белом халате. Он явно не был ни врачом, ни фармацевтом, ни крикетным судьей. Белые одежды предполагают стерильность и чистоту суждений. Зачем они музейному зрителю? Чтобы защитить от микробов детство Флобера? Он объяснил, что музей отчасти посвящен Флоберу, а отчасти — истории медицины, а затем торопливо провел меня по залам, с шумной деловитостью запирая за нами двери. Мне показали комнату, где родился Флобер, флакон из-под его одеколона, его табакерку, его первую журнальную статью. Разнообразные изображения писателя демонстрировали разительную перемену, которую претерпел миловидный юноша, превратившись в рыхлого лысеющего буржуа. Одни говорят — сифилис. Обычное для XIX века старение, возражают другие. А мо-

жет быть, его тело обладало чувством такта: как только дух объявил, что безвременно состарился, плоть тут же подстроилась. Я все время напоминаю себе, что волосы у него были светлые — на фотографиях все кажутся брюнетами.

В других комнатах выставлены медицинские инструменты XVIII и XIX веков — тяжелые металлические реликвии с заостренными краями, клизмы такого размера, что даже я прихожу в недоумение. Медицина в те времена, должно быть, была делом дерзким, безнадежным, кровавым; это теперь все пилули да бюрократия. Или просто прошлое всегда колоритнее настоящего? Я изучал в свое время докторскую диссертацию брата Гюстава, Ашиля. Она называлась «Некоторые соображения по поводу операции на ущемленной грыже». Братская параллель — диссертация Ашиля стала метафорой Гюстава: «Сквозь идиотизм моей эпохи я чувствую волны ненависти, которая меня душит. Она выплескивается дерьмом мне в рот, как при ущемленной грыже. Но я хочу сохранить, удержать, укрепить ее. Я сделаю из нее пасту и вымажу девятнадцатый век, как покрывают навозом индийские пагоды».

Соединение этих двух музеев вначале кажется странным. Однако оно наполнилось смыслом, когда я вспомнил знаменитую карикатуру Лемо, где Флобер препарирует Эмму Бовари. Писатель держит на длинной вилке кровоточащее сердце, которое он с триумфом вырвал из груди героини. Он демонстрирует этот орган, словно уникальный хирургический экспонат, а слева на кар-

1. Попугай Флобера

тинке чуть видны ноги лежащей на столе истерзанной Эммы. Писатель-мясник, чувствительная скотина.

Потом я увидел попугая. Он сидел в маленькой нише, ярко-зеленый, востроглазый, любознательно склонив голову набок. Надпись на его насесте гласила: «*Psittacus*. Этого попугая Флобер позаимствовал в Музее Руана и держал на своем письменном столе во время написания „Простой души“, где его зовут Лулу и он принадлежит Фелисите, главной героине произведения». Изложенные факты подтверждаются ксерокопией письма Флобера: попугай, пишет он, провел на его столе три недели, и вид птицы уже начал его раздражать.

Лулу отлично сохранился, перья все такие же яркие и вид такой же раздражающий, как, наверное, и сто лет тому назад. Я смотрел на птицу и, к своему удивлению, чувствовал живую связь с писателем, который столь надменно отказал потомкам в праве интересоваться им как личностью. Его памятник — всего лишь дубликат, его дом снесен, а книги, само собой, живут собственной жизнью — отклик на них не относится к автору. Но этот обыкновенный зеленый попугай, чудом сохранившийся в обыкновенном музее, внезапно заставил меня почувствовать, что я почти знаком с Флобером. Я был растроган и обрадован.

По пути домой я купил учебное издание «Простой души». Вы, наверное, знаете, о чем это. Это повесть о бедной необразованной служанке по

Попугай Флобера

имени Фелисите, которая полвека служила своей госпоже, кротко жертвуя собственной жизнью ради других. Она по очереди привязывается то к вероломному жениху, то к детям хозяйки, то к племяннику, то к старику с опухолью на руке. Все они так или иначе уходят из ее жизни: умирают, уезжают, просто забывают о ней. Неудивительно, что чаяния религии приходят на помощь отчаянной жизни.

Последним звеном в убывающей цепи привязанностей Фелисите становится Лулу, попугай. Когда и Лулу в свой черед умирает, Фелисите отдает набить из него чучело. Она не расстается с этой реликвией и даже молитвы шепчет, встав на колени перед птицей. В ее простой душе рождается некоторая теологическая путаница: она думает, не лучше ли изображать Святого Духа не в виде голубя, как это обычно делают, а в виде попугая? Логика, бесспорно, на ее стороне: попугаи и Святые Духи могут говорить, а голуби — нет. В конце повести и сама Фелисите умирает. «Губы ее сложились в улыбку. Сердце билось все медленнее, все невнятнее, все слабее — так иссякает фонтан, так замирает эхо. И когда Фелисите испускала последний вздох, ей казалось, что в разверстых небесах огромный попугай парит над ее головой».

Тон повествования здесь жизненно важен. Представьте себе, как технически трудно написать историю, в которой плохо набитое чучело птицы с дурацким именем становится воплощением одной трети Святой Троицы, и при этом

1. Попугай Флобера

у автора нет намерения впасть в сентиментальность, сатиру или богохульство. Представьте, что эту историю к тому же нужно рассказать с точки зрения невежественной старухи, да так, чтобы она не звучала ни уничижительно, ни жеманно. Ведь цель «Простой души» совсем не в этом: попугай — это пример блестящего, выверенного флюберовского гротеска.

Мы можем, если захотим (и если ослушаемся Флюбера), снабдить птицу разными интерпретациями. Например, можем провести параллели между жизнью преждевременно состарившегося романиста и жизнью своевременно состарившейся Фелисите. (Критики уже науськивают своих хорьков.) Оба были одиноки, жизнь обоих была омрачена потерями, оба проявили стойкость перед лицом тоски. Те, кто хочет пойти еще дальше, могут сказать, что эпизод, когда Фелисите сбивает почтовая карета по дороге на Онфлер, — тонкий намек на первый эпилептический припадок Флюбера, приключившийся с ним на дороге возле Бур-Ашара. Не знаю. Насколько тонким должен быть намек, чтобы порваться?

По крайней мере в одном принципиальном вопросе Фелисите — полная противоположность Флюберу. Она почти лишена дара речи. Но можно возразить, что потому и появляется Лулу. Попугай, наделенный даром речи; диковинная тварь, способная издавать человеческие звуки. Неслучайно ведь Фелисите путает попугая со Святым Духом, дарителем языков.

Фелисите + Лулу = Флюбер? Не совсем, но можно сказать, что его черты есть в них обоих.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Попугай Флобера	11
2. Хронология	30
3. Кто нашел, тот и хозяин	49
4. Бестиарий Флобера	65
5. Совпадения	90
6. Глаза Эммы Бовари	102
7. Через Ла-Манш	114
8. Железнодорожный путеводитель по Флоберу	153
9. Флоберовские апокрифы	166
10. Обвинительное заключение	183
11. Версия Луизы Коле	201
12. Лексикон прописных истин Брэйтуэйта	226
13. Чистая история	233
14. Экзаменационная работа	250
15. И попугай... ..	262
От переводчиков	278
Примечания. Виктор Сонькин	279

Барнс Дж.

Б 25 Попугай Флобера : роман / Джулиан Барнс ; пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 320 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-11682-5

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс — один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Шум времени», «Предчувствие конца», «Артур и Джордж», «История мира в 10 ½ главах» и многих других. Возможно, основной его талант — умение легко и естественно играть стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий чуть ли не до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство — Барнсу подвластно все это и многое другое.

«Попугай Флобера» — первая из книг Барнса, вошедших в шорт-лист Букеровской премии, — это «восхитительный роман, насыщающий ум и душу» (Джозеф Хеллер); это «подлинная жемчужина — роман настолько литературный и в то же время беззастенчиво увлекательный» (Джон Ирвинг). Сквозь призму биографии Флобера Барнс пытается ответить на вопрос, что важнее для нас, читателей, — книги автора или его жизнь? Если книги, тогда почему творчество писателя заставляет нас буквально охотиться за мельчайшими фактами его жизни? Почему мы верим, что чучело флоберовского попугая способно дать ключ к пониманию всего, что написано французским классиком?

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖУЛИАН БАРНС
ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректор Татьяна Бородулина

Подписано в печать 16.08.2017. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-SMN-19709-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/